

Олег Симонов

*Та, что смотрит
из пустоты*

Олег Симонов

Та, что смотрит из пустоты

<https://litres.ru/74084673>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семья Элли бежит уже три года. Смена мотелей, фальшивые имена, ночные побеги по первому крику дочери. Но однажды они ошиблись — и Элли осталась одна. Теперь она выросла. Научилась открывать двери в пустоту и приказывать тем, кто живёт внутри. Она вернёт родителей. Даже если для этого придётся уничтожить всех, кто встанет на пути.

«Та, что смотрит из пустоты». Вы не знаете, что такое страх, пока не посмотрите в чёрные глаза собственного ребёнка.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	45
Глава 5	67
Глава 6	91
Глава 7	101
Глава 8	113
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Олег Симонов

Та, что смотрит из пустоты

Часть 1

Глава 1

Отель назывался «Сосновый двор», хотя сосен вокруг не было уже лет двадцать. Вместо них — облезлые тополя, бетонное ограждение и вывеска с перегоревшей буквой «О», так что получалось «ССНВЫЙ ДВР». Джек каждый раз думал, что это дурной знак.

Номер сто двенадцать находился на первом этаже, в самом конце длинного коридора, пропахшего дешёвым чистящим средством. Ковровое покрытие когда-то было зелёным, а теперь напоминало болотную тину с вытоптанными дорожками к каждой двери. На потолке — желтоватое пятно от протечки, похожее на карту незнакомого материка. Кондиционер дребезжал так, будто внутри у него застряла птица или мышь.

Джек лежал на кровати рядом с Клэр и смотрел в потолок, считая трещины. Это помогало не думать. Если думать — можно сойти с ума. А с ума сходить было нельзя. Кому тогда собирать сумки и вести машину по ночным дорогам, когда Элли закричит?

Часы на тумбочке показывали 2:47.

Они заехали в «Сосновый двор» около десяти, заплатив наличными, без карт, без имён. Портье даже не поднял головы — молодой парень с прыщавым лицом, который листал в телефоне тикток и кивал каждому слову. Джек сказал бы ему спасибо за равнодушие, но не стал привлекать лишнего внимания.

— Клэр, — прошептал он в темноту. — Ты спишь?

— Нет, — ответила жена. Голос у неё был севший, будто она не пила несколько часов.

— Думаешь, сегодня будет?

— Всегда бывает каждые три дня. Последний раз был во вторник.

Джек закрыл глаза. Три дня. Как по расписанию. Только

расписание это составлял не врач и не Бог.

Он повернул голову в сторону раскладушки. Элли спала на боку, свернувшись калачиком, как котёнок. Одеяло сбилось к ногам. Одна рука свисала почти до пола, и в слабом свете ночника (Джек всегда оставлял ночник, всегда) было видно, как её пальцы подёргиваются — там, во сне, она что-то трогала. Ей было восемь. Восемь лет, и три из них она находилась в бегах.

Второй час ночи. Тишина. Только кондиционер дребезжал и где-то за стеной храпел дальнобойщик. Джек провалился в дремоту, не заметив, как сон сомкнулся над ним. Последним, что он осознал, был слабый запах озона — как перед грозой.

Крик разорвал тишину в 3:14.

Джек подскочил так, будто его ударило током. Сердце пропустило удар, потом второй, потом заколотилось где-то в горле. Рядом заворочалась Клэр — быстрее, чем он, она всегда просыпалась быстрее.

— Они близко!

Это кричала Элли. Сидя на раскладушке, с выгнутой спи-

ной и запрокинутой головой, она кричала не своим голосом — слишком низким, слишком взрослым для восьмилетнего ребёнка. Глаза её были открыты.

Чёрные. Абсолютно чёрные. Ни белков, ни радужки, ни зрачков. Две дыры в лице, в которых плескалась пустота.

Клэр оказалась рядом первой. Она обхватила дочь за плечи, прижала к себе, хотя её саму трясло так, что зубы стучали.

— Элли, милая, я здесь. Я здесь.

— Они рядом, — повторила девочка. Голос её дрожал, но слова были чёткими, как удар хлыста. — Они знают. Они нас поймают.

Джек уже стоял на ногах. Босые ступни прилипли к линолеуму. Он смотрел на лицо дочери, и каждый раз это зрелище приносило ему только боль.

— Они нас поймают, — повторила Элли и повернула голову в сторону стены.

Той самой стены, за которой была парковка и ночная трасса. Она смотрела сквозь гипсокартон, сквозь штукатурку, сквозь километры асфальта и леса куда-то туда, где Джек не видел ничего, кроме темноты.

— Элли, посмотри на меня, — Клэр взяла лицо дочери в ладони. — Посмотри на маму.

Но чёрные глаза не смотрели на неё. Они смотрели сквозь. И губы девочки шевелились, выплёвывая слова, которые она не могла знать:

— Они идут по следу.

Джек бросился к сумкам.

Они стояли в углу — две большие спортивные сумки чёрного цвета, набитые так, что молнии трещали. Он не распаковывал их никогда. Зачем? Всё равно через сутки опять собираться. Паспорта — фальшивые, но хорошие, купленные за наличные у человека, который обещал, что их не пробьют. Деньги — в конвертах, рассованных по внутренним карманам. Лекарства — набор основных препаратов, которые могут понадобиться. Таблетки от тревожности для Клэр, которые она почти не принимала. Бинты. Антисептик. Фонарик. Три зажигалки. Соль — большой пакет, на всякий случай.

— Маленькая, всё хорошо, — говорила Клэр, покачивая дочь, как младенца. — Папа и мама рядом. Они нас не догонят. Слышишь? Не догонят.

— Догонят, — выдохнула Элли.

В её голосе не было страха. Было знание. Сухое, пугающее знание, которое не оставляет места для «а вдруг». И это было хуже крика.

Джек застегнул молнии. Надел куртку — кожаную, ста-

рую, с потёртыми локтями. Сунул в карман ключи от «Форда». Потом подошёл к окну, отдёрнул занавеску — дешёвую, с выцветшими ромашками.

На парковке никого. Только их машина — тёмно-синий «Форд Фокус» 2015 года, купленный с рук в Огайо за наличные. Двигатель ещё тёплый, хотя они приехали пять часов назад. Рядом — пара грузовиков и старенькая «Тойота» с проколотой шиной. Фонари горели тускло, половина перегорела.

Но Джек смотрел не на машины. Он смотрел на край парковки, туда, где асфальт переходил в гравийную обочину, а гравий — в темноту. Ему показалось, что там кто-то стоит.

Он моргнул. Фигура исчезла.

— Джек, — позвала Клэр. — Она приходит в себя.

Элли моргнула. Это было похоже на смену кадров в старом проекторе: сначала чёрные дыры, потом — серая радуж-

ка, потом — белки с красными прожилками лопнувших сосудов. Она моргнула ещё раз, и её глаза стали нормальными. Усталыми. Но нормальными.

— Мама, — прошептала девочка. — У нас мало времени. Они рядом.

— Я знаю, милая.

Клэр посмотрела на мужа. В её взгляде была мольба — не о помощи, нет. О том, чтобы это закончилось. Чтобы был хоть один день, хоть одна ночь, когда они не будут срываться с места, когда Элли будет просто девочкой, а не...

— Уходим, — сказал Джек. — Сейчас.

Он подал дочери руку. Элли взяла её — ладошка была ледяной. Она встала с раскладушки. Пижама — синяя, с единорогами — была мокрой от пота. Клэр накинула на плечи дочери своё пальто, слишком большое, висящее мешком.

— Обувайся, — сказала мать.

Элли натянула кроссовки на босу ногу, не завязав шнурки.

В номере было душно. Кондиционер вдруг затих, будто испугался. Лампочка в ночнике мигнула раз, другой, третий. Джек подхватил обе сумки — одну на плечо, вторую в руку. Клэр взяла рюкзак Элли, в котором лежало самое важное: смена белья, вода, батончики, блокнот, который девочка никогда никому не показывала.

— Идём, — сказал он.

Они вышли в коридор.

Коридор был длинным, как тоннель. Ковролин хлюпал под ногами — недавно мыли, но не просушили. Пахло хлоркой и ещё чем-то сладковатым, похожим на разлитый сироп. Лампы дневного света гудели на частоте, от которой ныли

зубы.

— Тише, — прошептал Джек, хотя никто не шумел.

Он шёл первым, держа правую руку за спиной — там, где под курткой, в кобуре на поясе, лежал револьвер. Старый «Смит-Вессон», купленный на блошином рынке в Алабаме. Он ни разу из него не стрелял. Но тяжесть металла успокаивала.

Клэр шла посередине, ведя Элли за руку. Девочка почти не касалась пола — она словно плыла, как сомнамбула. Глаза её были полузакрыты, губы шевелились, но звука не было.

Тишина. Даже лампы перестали гудеть. Даже за стеной перестал храпеть дальнобойщик. Такая тишина бывает перед грозой, когда воздух становится тяжёлым, как мокрая простыня, и кажется, что сейчас что-то произойдёт. Обязательно.

Джек рванул к выходу.

Дверь на парковку открылась с протяжным скрипом — он не стал её придерживать, не до церемоний. Ночной воздух ударил в лицо — холодный, сырой, с запахом бензина и прелых листьев.

«Форд» стоял в дальнем углу, под единственным работающим фонарём. Джек нажал на брелок — машина пикнула и моргнула фарами. Он бросил сумки в багажник, Клэр открыла заднюю дверь, усадила Элли.

Джек сел за руль. Двигатель чихнул, закашлял и завёлся. Он включил фары. Свет выхватил из темноты пустую парковку, мусорный бак, ржавый указатель «ВЫЕЗД».

— Все готовы? — спросил он.

— Да, — ответила Клэр.

Джек нажал на газ.

«Форд» вылетел на парковку, вильнул между грузовиками и выскочил на шоссе. Сзади остались тусклые огни «Соснового двора», вывеска с перегоревшей буквой и номер сто двенадцать, в котором ещё пять минут назад они были семьёй, а теперь снова стали беглецами.

Шоссе было пустым. Джек жал на газ, стрелка спидометра перевалила за девяносто, потом за сто. Клэр сжала подлокотник побелевшими пальцами, но не сказала ни слова. Элли сидела сзади, уставившись в заднее стекло.

Джек посмотрел в зеркало заднего вида. В красном отблеске габаритных огней ему почудились две фигуры — высокие, неестественно тонкие, стоящие на обочине там, где пять минут назад был выезд из отеля. Они не двигались. Просто смотрели.

Он моргнул. Фигуры исчезли.

— Всё хорошо, — сказал он голосом, в который сам не

верил. — Мы уехали. Мы в безопасности.

Машина неслась по ночной трассе, увозя их всё дальше на север, в сторону новых городов, новых мотелей и новых снов. А на обочине, там, где асфальт встречается с гравием, две тени стояли неподвижно и смотрели вслед красным огням.

Одна из теней сделала шаг. Потом другая. Потом они растворились в воздухе, оставив после себя только запах озона — как перед грозой.

Но грома, так и не было.

Глава 2

Клэр полюбила этот дом за веранду.

Она сидела на ней каждое утро с чашкой кофе, даже в октябре, когда роса оседала на перилах и от пальцев шёл пар. Дом стоял на тихой улице в пригороде Лексингтона, среди таких же аккуратных домиков с газонами и детскими качелями. Соседи махали рукой, когда вывозили мусор. По воскресеньям пахло беконом.

Клэр переехала сюда с Джеком пять лет назад, и каждый день казался ей подарком. Не потому, что она была наивной. Просто она знала, что такое настоящая беда, — детдом, сменные семьи, пластиковые стаканчики с пудингом, который никто не ел. А здесь, на этой улице, беда казалась чем-то далёким, почти неосязаемым.

Джек уходил на работу в семь утра. Он работал в федеральном учреждении — она не знала точно в каком, и он не рассказывал. Сначала Клэр пыталась спрашивать. Потом привыкла. Некоторые мужчины приносят домой цветы.

Джек приносил тишину и запах озона, который оставался на его пиджаке.

— Кондиционеры в офисе старые, — объяснял он. — Озон из них так и прёт.

Клэр не верила, но улыбалась.

Дни её были расписаны практически по минутам.

Утро: кофе, душ, завтрак. Потом — уборка. Она натирала полы до блеска, перебирала книги на полках, раскладывала вещи в шкафу по цветам. Соседка Маргарет шутила, что у Клэр лёгкая форма ОКР. Клэр смеялась. Маргарет не знала, что порядок был её лекарством.

В одиннадцать — поход в супермаркет. Она покупала ровно столько, сколько нужно на два дня, потому что свежие продукты — это маленькая радость. Продавец Фрэнк всегда улыбался и спрашивал: «Ну что, миссис, когда ждать пополнение?»

Клэр улыбалась в ответ. «Когда бог пошлёт». Она ненавидела эту фразу. Но говорила её каждый раз.

В два часа — обед. Чаще всего она ела стоя, у кухонной стойки, листая кулинарный блог. Потом — снова дела. Мытьё окон. Стирка. Глажка. Вязание — она пыталась научиться, но получались только серые прямоугольники, похожие на прихватки.

В пять — она доставала мясо из холодильника, чтобы разморозилось. Джек приходил около семи. Она слышала его машину за два квартала — «Форд» тархтел как старая швейная машинка. И каждый раз сердце её подскакивало.

Она выходила на крыльцо. Он целовал её в щёку. Иногда в губы.

— Как прошёл день? — спрашивала она.

— Как обычно, — отвечал он.

И они шли ужинать.

По выходным они гуляли по парку. Джек держал её за руку — сухую и тёплую. Иногда они заходили к Маргарет на чай. Маргарет была вдова, её дети выросли и уехали в Колорадо, и она была рада любому гостю.

— Вы такая красивая пара, — говорила Маргарет, наливая чай в фарфоровые чашки с трещинками. — Прямо как с открытки.

Клэр краснела. Джек кивал.

Однажды Маргарет спросила:

— Вы планируете завести ребенка?

В комнате повисла тишина. Джек посмотрел на Клэр. Клэр посмотрела на свои руки.

— Будем надеяться, — ответил Джек.

Потом, уже дома, Клэр заплакала. Джек обнял её, и она уткнулась ему в плечо.

— Я не хочу в клинику, — сказала она. — Я не хочу, чтобы нас проверяли. Пожалуйста.

— Не будем, — ответил он. — Всё будет. Просто нужно время.

Она верила. А что ей ещё оставалось?

Время шло. Прошёл год. Другой. Третий.

Клэр перестала считать циклы. Перестала покупать тесты.

Перестала задерживать дыхание каждый раз, когда живот вдруг начинал болеть. Она просто жила. Убирала. Готовила. Встречала мужа.

Но по ночам, когда Джек засыпал, она смотрела в потолок и чувствовала, как пустота внутри неё разрастается, как трещина на льду. Она представляла комнату — детскую, с обоями в звёздочках, с кроваткой, с игрушками. Представляла, как ведёт ребёнка в школу, как учит его печь печенье, как смотрит на его сонное лицо.

Она представляла так ярко, что иногда, просыпаясь утром, тянулась к животику, гладила его.

Она стала замечать детей везде.

В супермаркете, где Фрэнк протягивал леденцы маленькой девочке в розовой курточке. В парке, где мальчик лет пяти учился кататься на велосипеде — падал, смеялся, падал снова. На детской площадке за их домом, где Клэр никогда не сидела, потому что без ребёнка это выглядело странно.

Она завидовала. Как будто внутри неё жила другая женщина — та, у которой всё получилось. И эта другая женщина смотрела на неё с презрением.

— Ты просто недостаточно стараешься, — шептала она.

— Мы стараемся, — отвечала Клэр пустой комнате.

— Тогда почему у тебя нет детей?

Клэр не знала. Она пила травяные чаи, ходила на йогу, стояла на голове — в интернете писали, что это улучшает кровообращение. Ничего не помогало. Джек ходил к врачу — сказали, что у него всё в порядке. Значит, проблема в ней.

Она часами сидела на кухне, глядя на сад за окном. Яблоня, которую они посадили в первый год, теперь вымахала почти до крыши. Она цвела каждый апрель, а в августе роняла плоды, которые никто не собирал.

— Можно сделать пирог, — предлагал Джек.

— Хочешь пирог?

— Хочу, чтобы ты улыбнулась.

Она улыбалась. Но глаза оставались грустными. А потом всё изменилось.

Это был вторник. Обычный вторник, как сотни до него. Клэр мыла окна на кухне. За окном моросил дождь, и соседский кот, промокший, сидел под скамейкой. Она разбрызгивала мыльный раствор и тёрла стекло, напевая песню, которую услышала по радио — про любовь и самолёты. Джек пришёл раньше обычного.

Она услышала «Форд» в пять пятнадцать и удивилась — он никогда не уходил с работы раньше семи. Клэр бросила тряпку, вытерла руки о джинсы и вышла в коридор.

Джек стоял в дверях. Он был бледнее обычного — не так, когда болел, а как-то иначе. Глаза его блестели, но не от счастья. Скорее от напряжения.

Под курткой он что-то держал. Что-то свёрнутое в одеяло.

— Джек? — голос Клэр дрогнул. — Что случилось?

Он не ответил. Он вошёл, закрыл дверь ногой и медленно развернул одеяло.

Внутри был ребёнок.

Девочка. Маленькая, с кулачками, сжатыми у лица, с тёмными волосами, прилипшими к лбу. Ей было не больше трёх месяцев — или около того. Она спала.

— Боже мой, — выдохнула она. — Джек, что это?

— Её зовут Элли, — сказал он. Голос его звучал ровно, но слишком ровно, как у робота. — Она осталась одна. Я не мог её там оставить.

— Где? Где ты её взял?

Он прошёл на кухню и осторожно положил свёрток на стол. Девочка не шевелилась. Клэр подошла ближе, протянула руку, коснулась её щеки — тёплая. Значит, живая.

— Ты украл ребёнка? — спросила она шёпотом.

Джек долго молчал. А потом сказал то, что изменило их жизнь навсегда:

— Я спас её. Если бы я оставил её там, они бы убили её. Или хуже.

Клэр не поняла, что значит «хуже». Она не спросила. Вме-

сто этого она взяла девочку на руки — очень осторожно, как хрупкую вазу — и прижала к груди.

И в этот момент девочка открыла глаза.

Они были серыми, как небо перед грозой. И смотрели прямо на Клэр — осознанно, ясно, не по-младенчески.

Клэр не почувствовала страха. Она почувствовала то, о чём мечтала три года.

— Она будет жить с нами, — сказал Джек.

— Да, — ответила Клэр, не раздумывая. — Конечно.

Она не знала, что с этой минуты их жизнь разделится на «до» и «после».

Она смотрела на девочку. Девочка смотрела на неё.

За окном всё ещё моросил дождь. Соседский кот ушёл из-под скамейки. А в подвале дома, где Клэр никогда не бывала, лежала сумка, которую Джек купил ещё утром.

На всякий случай.

Глава 3

«Форд» тарахтел по ночному шоссе, и этот звук стал для Клэр таким же привычным, как собственное дыхание. Она уже не могла сказать, сколько часов они в пути. Время расплавилось, растеклось по обочинам, потерялось где-то между усталостью и тревогой.

Джек сидел за рулём, выпрямив спину, обе руки на баранке — ровно на десять и два, как учили в автошколе, которую он окончил двадцать лет назад. Он почти не моргал. Клэр знала этот его взгляд — сосредоточенный, колючий, направленный не столько на дорогу, сколько куда-то дальше. Словно он пытался разглядеть будущее в свете фар.

Она смотрела на него. На его руки — крепкие, с коротко стриженными ногтями, с тонким белым шрамом между большим и указательным пальцем. Потом перевела взгляд на заднее сиденье.

Элли спала. Свернувшись калачиком на старой куртке,

подтянув колени к подбородку, она походила на котёнка, который нашёл тёплое место и ни за что не уйдёт. Рот её был приоткрыт, волосы рассыпались по сиденью — тёмные, спутанные, с рыжеватым отливом при свете ночника, который всё ещё горел в салоне. Джек всегда оставлял ночник. Ещё одна мелочь, о которой они никогда не говорили вслух.

Клэр посмотрела на дочь и почувствовала, как что-то сжимается у неё в груди. Не от страха — от любви. Той самой, которая не даёт уснуть по ночам и заставляет проверять, дышит ли ребёнок. Она отвела взгляд.

— Что будем делать дальше? — спросила Клэр.

Голос её прозвучал тише, чем она хотела. Почти шёпот. Но Джек услышал.

— Съедем с автострады, — ответил он, не поворачивая головы. — Потом поищем место, где можно отдохнуть. Перевести дыхание.

Он сказал «перевести дыхание» так, будто они пробежали марафон. Возможно, так оно и было. Только марафон этот длился не один час и даже не один день. Он длился три года.

Клэр помолчала. Потом глубоко вздохнула и сказала то, что вертелось на языке последние несколько недель.

— Я имела в виду не это. Что мы будем делать в принципе? — Джек молчал.

— Так больше продолжаться не может, — сказала Клэр. Она повернулась к нему всем телом, положив руку на спинку его сиденья. — Джек, посмотри на меня.

Он посмотрел. Быстро, на секунду. Но этого хватило. Клэр увидела в его глазах усталость — такую глубокую, что казалось, она въелась в кожу, в кости, в самые мелкие капилляры.

— Мы не можем скрываться вечно, — произнесла она мягко, почти невесомо, но каждое слово весило по тонне.

— Элли растёт. Ей нужна школа. Нужны друзья. Нужна нормальная жизнь. А мы... что мы ей даём? Бесконечные мотели и эту гребаную беготню?

Она не повышала голоса. Клэр вообще редко повышала голос. Но в этой её спокойной тишине было что-то более требовательное, чем любой крик.

Джек снова промолчал. Его челюсть была сжата так сильно, что желваки ходили ходуном. Казалось, он пережёвывает слова, прежде чем вытолкнуть их наружу.

— Я что-нибудь придумаю, — наконец сказал он.

В его голосе появилась та самая нотка, которую Клэр боялась больше всего. Не злость. Не отчаяние. Как будто он знал что-то, чего не знала она, и это знание было тяжёлым, как мешок с песком.

— Что ты задумал? — спросила она.

— Пока ничего. — Он чуть повернул руль, огибая что-то на дороге — то ли мёртвого енота, то ли кусок покрышки. — Но мы её не бросим.

— Я знаю.

— И уж точно не отдадим назад.

Клэр смотрела на него несколько секунд. Потом кивнула.

— Этого и не будет, — сказала она, и в её голосе прозвучала сталь.

Они не сказали больше ни слова. Джек включил поворотник — жёлтая стрелка замигала в такт его мыслям — и начал перестраиваться в правый ряд. До съезда оставалось с четверть мили. Клэр обернулась на Элли.

Девочка спала. Она всегда спала в машине как убитая —

возможно, потому что ритмичный гул мотора и вибрация дороги укачивали её быстрее любой колыбельной. Одна рука свесилась с сиденья, пальцы слегка подрагивали во сне. Клэр поправила куртку, укрыв дочь до подбородка.

— Всё будет хорошо, малышка, — прошептала она. — Мама рядом.

Элли не ответила. Но её губы чуть-чуть изогнулись, как будто во сне она улыбнулась.

Они съехали с автострады на второстепенную дорогу.

Асфальт сразу стал хуже. Сначала пошли трещины, потом выбоины, потом гравий, который зашуршал по днищу. Джек сбросил скорость до сорока миль в час. Фары выхватывали из темноты столбы, ржавые указатели и бесконечные заросли кустарника по обочинам. Ни одного встречного. Ни одного дома. Время потянулось медленно, как патока.

Клэр откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Она

не спала — просто дала отдых глазам, которые жгло от напряжения. Мысли ворочались, как змеи в банке.

Она вспоминала тот день, когда Джек принёс Элли домой. Как пахло в коридоре — дождём и ещё чем-то сладковатым. Озоном. Джек тогда сказал, что это из-за кондиционеров. Она поверила. Глупая, наивная Клэр, которая так хотела ребёнка, что готова была принять любую сказку.

Потом были другие дни. Первая ночь, когда Элли закричала во сне и её глаза стали чёрными. Первый побег — из их уютного дома, из Лексингтона, от соседки Маргарет, которая потом, наверное, ломала голову, куда делась семья из дома с яблоней. Джек тогда сказал: «Нам нужно уехать. Навсегда». Клэр не спросила, почему. Она просто взяла сумку.

Она до сих пор не задавала слишком много вопросов. Это было их негласное правило: вопросы ранят, ответы убивают. Но сегодня, в этой машине, на этой бесконечной дороге, Клэр почувствовала, что стена, которую она выстроила вокруг своего любопытства, начинает давать трещины. Она открыла глаза.

— Джек.

— Мм?

— Ты говорил, что работал в федеральном учреждении. Это была правда?

Он помолчал. Потом ответил:

— Частично.

— А что это было на самом деле?

Он не ответил. Но Клэр заметила, как его пальцы крепче сжали руль. Костяшки побелели.

— Не сейчас, — сказал он. — Пожалуйста.

Она хотела настаивать. Но посмотрела на его лицо — осунувшееся, с тенями под глазами — и передумала.

— Ладно, — сказала она. — Потом.

Они ехали дальше. Час. Два. Клэр перестала следить за временем. Она просто сидела и смотрела в окно на тёмные поля, которые сменялись лесами, леса — снова полями. Звёзды над головой были бледными, будто выцветшими.

Где-то на полпути Клэр заметила, что Джек начал клевать носом. Она протянула руку и тронула его за плечо.

— Остановись, — сказала она. — Я поведу.

— Всё в порядке, — пробормотал он.

— Ты почти спишь за рулём.

Он не спорил. Они поменялись местами на пустынной обочине — быстро, молча, без слов. Элли даже не пошевелилась, когда хлопнула дверь.

Клэр села за руль. Сиденье Джека было тёплым. Она отрегулировала зеркала и нажала на газ. Джек уснул через три минуты.

Она вела машину в тишине.

Дорога тянулась, петляла, иногда раздваивалась — и тогда Клэр выбирала ту ветку, что казалась более прямой. У неё не было карты. Навигатор не работал — батарея села, или вселенная просто решила, что им не положено знать, куда они едут.

Странное чувство — не знать, где ты находишься. Клэр думала, что это должно пугать. Но вместо страха она почувствовала странное облегчение. Когда нет ни пункта назначения, ни обратного пути, остаётся только одно: ехать. Просто ехать. Через какое-то время Клэр снова выехала на шоссе.

Она поймала себя на том, что напевает — без слов, просто мелодию. Ту самую, из песни про любовь и самолёты. Эту песню крутили по радио в день, когда Джек принёс Элли.

«Мы не можем скрываться вечно», — сказала она сегодня. Это была правда. Но была и другая правда: они не могут остановиться. Потому что, если остановятся — их поймают.

Она взглянула в зеркало заднего вида. Элли спала, свернувшись клубочком. Джек спал, откинувшись на спинку и чуть запрокинув голову. Оба были уязвимы. Оба — всё, что у неё есть. Клэр крепче сжала руль и нажала на педаль газа.

— Я вас не отпущу, — сказала она вслух. — Никто вас у меня не заберёт.

Никто не ответил. Но в салоне вдруг стало чуть теплее.

Через два часа, когда горизонт начал сереть, предвещая

рассвет, Клэр заметила огни.

Сначала она подумала, что это очередная заправка — мираж в усталых глазах. Но огни не исчезали, а, наоборот, становились ярче по мере приближения. Она свернула с автострасы на короткую асфальтированную подъездную дорожку и через минуту уже стояла на парковке.

Мотель назывался «Золотая подкова».

По крайней мере, так значилось на вывеске, когда-то жёлтой, а теперь выцветшей до бледно-лимонного цвета. Буква «З» не горела. Буква «П» мигала, как аварийный сигнал. Сама вывеска висела криво, будто её прибивали пьяные, но держалась — наверное, из чистого упрямства.

Здание мотеля было одноэтажным, вытянутым в длину, с рядом дверей, выкрашенных в грязно-зелёный цвет. Парковка — гравийная, с парой грузовиков и стареньким пикапом. Окна номеров были тёмными, за исключением одного — приёмной, где горел тусклый жёлтый свет и угадывался силуэт человека за стойкой.

Клэр заглушила двигатель.

— Приехали, — сказала она.

Джек открыл глаза мгновенно — как солдат, который спит вполглаза. Он огляделся, поморгал, потом кивнул.

— Нормально, — сказал он, оценивая обстановку. — Сойдёт.

Он вышел из машины, потянулся — спина хрустнула. Клэр осталась на месте на минуту, просто чтобы перевести дух. Посмотрела на здание мотеля. Оно было уродливым. Захудалым. Воняло от него бензином и жареным луком.

Но в этом было что-то почти уютное. Как старое одеяло, которое уже не греет, но которое жалко выбросить.

Джек пошёл оформлять номер. Клэр вылезла из машины и открыла заднюю дверь. Элли не проснулась — она спала мёртвым сном, сжавшись в комочек, уткнувшись носом в собственную ладонь. Клэр осторожно подняла её на руки. Девочка была лёгкой, как сухой лист, и такой же хрупкой.

— Мама, — прошептала Элли во сне.

— Я здесь, — ответила Клэр, прижимая дочь к груди.

Она понесла её к номеру. Джек уже стоял у открытой двери, держа в руке ключ-карту — старомодную, пластиковую, с потёртым логотипом. За его спиной виднелась комната: две кровати, заляпанный ковёр, картина с оленем на стене.

— Не рай, — сказал он.

— Но переночевать можно, — ответила Клэр.

Она внесла Элли внутрь и опустила на кровать, ближе к

стене. Девочка даже не проснулась, когда её голова коснулась подушки — только глубже вздохнула и свернулась ещё плотнее.

Клэр накрыла её тонким одеялом — пахло оно пылью и дешёвым стиральным порошком. Она поправила край, провела рукой по волосам дочери.

— Спи, малышка, — прошептала она.

Джек задвинул щеколду. Проверил окно. Клэр смотрела на это и молчала.

Она подошла к окну, отёрнула занавеску — дешёвый тюль, пожелтевший от времени — и посмотрела на парковку. «Форд» стоял там, где они его оставили, капотом к выезду. Рядом никого. Дорога пуста.

Но ей всё равно казалось, что кто-то смотрит из темноты.

— Всё нормально, — сказал Джек, подходя сзади и кладя руки ей на плечи. — Мы здесь в безопасности.

Клэр не ответила. Она продолжала смотреть в темноту. За окном, на самой границе света от уличного фонаря, что-то мелькнуло — тень. Быстрое, скользящее, почти неуловимое. Клэр моргнула. Тень исчезла.

Она закрыла занавеску, повернулась к мужу и сказала:

— Давай спать. Завтра будет новый день.

Джек кивнул.

Они легли по разные стороны от Элли — как два часовых, охраняющих самое ценное, что у них есть.

За окном догорала ночь.

Глава 4

Клэр просыпалась от крика ровно в шесть утра.

Иногда это был просто всхлип — громкий, требовательный, как звонок будильника, который нельзя отключить. Иногда — полноценный рёв, от которого стены начинали дрожать, а в голове поселялась тупая пульсирующая боль. Но Клэр не жаловалась. Она вставала, натягивала халат, шлёпала босыми ногами по холодному полу и шла в детскую.

Детскую она сделала из гостевой спальни — той самой, где раньше стоял диван, который никто никогда не раскладывал. Стены перекрасила в бледно-жёлтый, купила кроватку с балдахинном, комод с ручками в виде зайцев, ковёр с радугой. Всё это стоило дешёво — секонд-хенд, распродажи, барахолки, — но Клэр казалось, что ни у одной принцессы не было лучшей комнаты.

Элли лежала в кроватке, раскинув руки и ноги в стороны, как морская звезда. Подушка вечно оказывалась где-то

в районе пупка, одеяло — на полу.

Клэр наклонялась, подхватывала дочь на руки, прижимала к груди. Элли пахла молоком, детским кремом и чем-то ещё — неуловимым, сладковатым. Клэр вдыхала этот запах и чувствовала, как весь мир сжимается до размеров этой маленькой комнаты.

— Доброе утро, моя хорошая, — шептала она.

Элли открывала глаза — серые, ясные, внимательные не по возрасту. Смотрела на мать секунду, другую, потом улыбалась. Улыбка была беззубой, но Клэр казалась, что она видит все звёзды вселенной в этой улыбке.

Джек в это время уже был на ногах. Она слышала, как он гремит посудой на кухне, как заваривает кофе, как открывает холодильник и зачем-то заглядывает в него, хотя что там может быть нового? У них был ритуал: Клэр кормила Элли, Джек готовил завтрак для них двоих. Яичница, тосты, апельсиновый сок из пакета.

— Ты чего так рано? — спрашивала Клэр, входя на кухню с дочкой на руках.

— Работа не ждёт, — отвечал Джек.

Он целовал её в макушку, потом Элли в лоб. Девочка хватала его за нос, и он смеялся — редким, раскатистым смехом, который Клэр слышала всё реже.

Она не придавала этому значения. У всех мужчин бывают тяжёлые периоды на работе.

Дни тянулись медленно, как патока.

Клэр стерилизовала бутылочки, кипятила воду, взбивала порошок до полного растворения — никаких комочков. Джек говорил, что она сходит с ума. Клэр отвечала, что просто любит своего ребёнка.

Элли росла. Сначала просто лежала на животике и пыталась поднять голову — смешной утёнок, который никак не мог сообразить, куда девается пол. Потом начала переворачиваться — сначала на бок, потом на спину, потом снова на живот, и этот процесс повторялся бесконечно, как заевшая пластинка.

Клэр сидела рядом на полу, поджав ноги, и смотрела. Ей никогда не было скучно. Каждое новое движение дочери казалось чудом — таким же чудом, как первый снег или первый цветок на яблоне.

В полдень — прогулка. Клэр одевала Элли в комбинезон с мишками, укладывала в коляску и катила по тротуару мимо таких же аккуратных домиков с такими же газонами. Соседка Маргарет махала из окна. Иногда выходила — щипала Элли за щёку, цокала языком.

— Красавица растёт, — говорила она. — Вся в маму.

Клэр улыбалась, хотя знала, что это неправда. Элли не была похожа ни на неё, ни на Джека. Но Клэр это не волновало.

Она бы полюбила даже инопланетянина, если бы он назвал её мамой.

Ближе к году Элли начала говорить.

Не «мама» и «папа» — это было потом. Первым словом стало «там». Она сидела в высоком стульчике, перемазанная кашей, и вдруг вытянула руку в сторону окна.

— Там, — сказала она.

Клэр обернулась. За окном был сад, яблоня, забор. Ничего необычного.

— Что там, солнышко?

— Там, — повторила Элли и заплакала.

Клэр списала это на колики.

Но странности повторялись. Элли могла смотреть в угол комнаты по десять минут — не шевелясь, не моргая, как будто что-то видела там, чего не видели взрослые. Клэр подходила, садилась рядом, пыталась поймать её взгляд. Не получалось.

— Элли, что ты там видишь?

Девочка молчала. Потом отворачивалась и принималась играть с погремушкой, как ни в чём не бывало.

Джек говорил: «У всех детей богатое воображение». Клэр кивала, но внутри у неё что-то сжималось.

Она не рассказывала мужу о ночах, когда Элли просыпалась с криком — не от голода, не от мокрых пелёнок, а от чего-то другого. Глаза её были открыты, но смотрели не на Клэр, а сквозь неё.

Она говорила себе: это усталость. Это недосып. Это воображение — у неё самой, у взрослой женщины, которой положено быть рациональной. Она заставляла себя не думать.

Элли было два года и три месяца, когда Клэр впервые услышала, как дочь разговаривает во сне.

Это было ночью. Джек задерживался на работе — в последнее время он часто задерживался. Клэр лежала в постели одна, прислушиваясь к шорохам. Дом оседал, трубы гудели, за окном шелестели листья. Обычные звуки.

Потом из комнаты Элли донёлся голос.

Не плач. Не лепет. Разговор.

— Я не хочу, — сказала Элли. — Они не мои.

Пауза. Словно она слушала ответ.

— Они плохие. Они хотят меня забрать.

Ещё пауза. Потом — тихий, почти неслышный плач.

Клэр вскочила, босиком бросилась в детскую. Элли лежала в кровати, свернувшись клубочком, одеяло сползло на пол. Глаза её были закрыты. Она спала. Крепко, глубоко, с ровным дыханием. Клэр постояла минуту, прислушиваясь. Тишина.

Она подняла одеяло, укрыла дочь, поцеловала в лоб. Вернулась в спальню, но спать уже не могла.

Когда Джек пришёл — около часа ночи, — она сидела на кухне с чашкой остывшего чая.

— Ты чего не спишь? — спросил он, снимая куртку.

— Элли разговаривала во сне.

— Дети часто разговаривают.

— Она говорила о ком-то, кто хочет её забрать.

Джек замер. На секунду — всего на секунду — его лицо стало чужим, замкнутым. Потом он моргнул, улыбнулся и сел напротив.

— Это просто сон, Клэр. Детям снятся страшные сны. Мы тоже были детьми.

Он взял её руки в свои.

— Ты боишься?

— Нет, — солгала она. — Просто устала.

Он не поверил. Но промолчал.

В ту ночь они долго лежали в темноте, глядя в потолок и думая каждый о своём. Клэр — о том, правильно ли она поступает, что не ведёт дочь к врачу. Джек — о том, что время уходит.

Несмотря на странности, это были счастливые годы.

Клэр вставала рано, кормила Элли кашей — овсяной, с яблоком, которую та ненавидела, но ела под мультики про свинку Пеппу. Потом они играли в кубики: Клэр строила башню, Элли её разрушала, и это повторялось раз двадцать, пока у Клэр не начинала кружиться голова.

После обеда — сон. Два часа тишины, которые Клэр посвящала себе: читала, смотрела сериалы, иногда просто сидела на веранде с чашкой чая и смотрела на яблоню. Ей казалось, что эти моменты самые драгоценные.

Вечером возвращался Джек. Он был уставшим — всё

сильнее с каждым месяцем, — но для Элли всегда находил улыбку и полчаса игр. Они возились на ковре, строили рожицы, читали книжки про животных. Элли визжала от восторга.

— Ты хороший отец, — однажды сказала Клэр.

Джек посмотрел на неё долгим, странным взглядом.

— Я стараюсь, — ответил он.

Она не поняла, почему эти простые слова прозвучали так горько.

Однажды Клэр готовила ужин — запеканку с курицей, рецепт из интернета, который ей расхваливала Маргарет. Элли сидела на кухне за своим маленьким столиком и раскрашивала раскраску — единорога, у которого грива получалась фиолетовой, а хвост зелёным. За окном смеркалось. Сентябрьские сумерки пахли яблоками и дымом.

Джек должен был прийти к восьми. В семь тридцать Клэр накрыла на стол — две тарелки, плюс детская, с любимым мишкой Элли. Поставила свечи — просто так, для настроения. В семь сорок она услышала, как хлопнула калитка.

«Раньше, чем обычно», — подумала она и улыбнулась. Но когда открылась дверь, улыбка сползла с её лица.

Джек стоял на пороге. Волосы его были взъерошены, рубашка растёгнута на две пуговицы, галстук съехал набок. Он тяжело дышал — не так, как после быстрой ходьбы, а так, как будто бежал несколько километров со всех ног. Лицо его было бледным, почти серым, под глазами залегли тени.

На воротах белой рубашки — Клэр стирала её вчера, она помнила, как гладила, — было тёмное пятно. Кровь.

— Джек? — произнесла она, и голос её сел.

Он вошёл, толкнул дверь ногой, так что та захлопнулась

с глухим стуком. В одной руке он держал портфель — тот самый, с которым ходил на работу.

Элли сидела за своим столиком, выронив фиолетовый карандаш, и смотрела на отца широко раскрытыми глазами. Не плакала. Не боялась. Смотрела — как тогда, в углу комнаты, когда видела что-то невидимое для взрослых.

— Клэр, — сказал Джек. Голос его звучал хрипло, будто он кричал или пил что-то, обжигающее горло. — Ни о чём не спрашивай.

Она хотела спросить. Как он мог так говорить? Как он мог ворваться в дом окровавленный, с перекошенным лицом, и требовать, чтобы она молчала?

Но она посмотрела в его глаза.

В них не было вины. Не было стыда. Там был страх — такой чистый, такой первобытный, что Клэр почувствовала, как её собственное сердце пропустило удар. Она не задала

ни одного вопроса.

— Собирайся, — продолжил Джек. Он перевёл дух. Голос стал тише, но от этого не менее твёрдым. — Быстро. Мы уезжаем.

Клэр замерла.

— Навсегда.

Это слово повисло между ними, как гильотина.

Клэр перевела взгляд на дочь. Элли по-прежнему смотрела на отца, и в её серых глазах не было страха. Было понимание. Такое странное, недетское понимание человека, который знал то, что не должен знать.

— Собираемся, — повторил Джек.

Клэр кивнула.

Она не спорила. Не плакала. Не задавала вопросов. Что-то в ней — материнский инстинкт, женское чутьё, простая способность читать мужа, с которым прожила семь лет, — подсказывало: сейчас не время. Сейчас нужно просто делать.

Она подошла к Элли, взяла её на руки. Девочка была тёплой и лёгкой, пахла яблоками и мелками. Клэр прижала её к груди.

— Мы собираем кукол, — сказала она спокойным, ровным голосом, как будто они собирались на пикник. — Только самых важных. Хорошо?

Элли кивнула. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным. Клэр вышла из кухни. За её спиной Джек спустился в подвал.

Подвал дома на Линкольн-стрит был местом, куда Клэр почти не спускалась. Там хранились старые вещи, коробки с рождественскими украшениями, инструменты, которые

Джек никогда не использовал. Там пахло бетоном и мышами, и свет там был тусклым — одна лампочка на проводе, которую нужно было дёргать за шнурок.

Джек спускался туда раз в месяц — иногда чаще. Сначала Клэр не придавала этому значения. Потом начала замечать, что он возвращается оттуда молчаливым, сосредоточенным. Она никогда не спрашивала, что он там делает.

Но сегодня она услышала, как открывается дверь подвала, как Джек шаркает ногами по бетонным ступеням, как гремит чем-то внизу. Потом тишина.

Из подвала он поднялся с сумкой.

Она была чёрной, спортивной, набитой под завязку. Не новой — потёртой, с заржавевшей молнией. Джек поставил её у входной двери, рядом с порогом. Потом сел на корточки, проверяя замки. Клэр собирала вещи.

Она действовала механически, отсекая лишние мысли.

Джинсы, футболки, носки — себе и Джеку. Элли: платья, пижамы, колготки — три пары, хотя все знают, что дети пачкают колготки каждый день. Паспорта — она вынула их из ящика комода, где они лежали в конверте. Свидетельство о рождении Элли, поддельное, но хорошее. Деньги — две пачки в шкафу, под простынями. Джек когда-то сказал: держи наличные там, где никто не догадается искать. Она не спрашивала зачем. Просто делала.

Элли сидела на кровати, прижимая к себе плюшевого зайца — единственную игрушку, которую взяла. Она не плакала. Не капризничала. Только смотрела на мать широко раскрытыми глазами.

— Мы уезжаем, малышка, — сказала Клэр, застёгивая молнию на сумке. — Мы поедем путешествовать. На машине.

— Далеко? — спросила Элли.

— Очень далеко.

— Там будет страшно?

Клэр замерла. Посмотрела на дочь.

— Нет, — ответила она. — Там буду я и папа. А с нами тебе не страшно.

Элли подумала секунду. Потом кивнула.

— Хорошо, — сказала она и уткнулась носом в зайца.

Они грузились в машину в полной темноте.

Джек выносил сумки — три больших, одну маленькую, с вещами Элли. Клэр держала дочь на руках, укрыв её своим пальто. Ночь была холодной, с запахом прелых листьев и далёкого дыма. Где-то лаяла собака. Где-то — в трёх домах отсюда — работал телевизор, и сквозь стены пробивался смех закадровой публики.

«Форд» стоял на подъездной дорожке, присыпанный опавшими листьями. Джек открыл багажник, закинул сумки, захлопнул. Проверил фары. Двигатель завёлся со второго раза.

Клэр усадила Элли на заднее сиденье, пристегнула ремнём — слишком свободно, но это не важно, они не собирались попадать в аварию. Она погладила дочь по голове.

— Всё будет хорошо, — сказала она.

Элли не ответила. Она смотрела в окно — на дом, который покидала.

Джек сел за руль. Клэр — на пассажирское сиденье. Он взял её за руку, сжал — сильно, почти до боли. Она не отёрнула.

— Прости, — сказал он.

— Не извиняйся, — ответила она. — Поехали.

Они выехали с подъездной дорожки, свернули на Линкольн-стрит. Огни домов проплывали мимо — жёлтые квадраты окон, в которых кто-то ужинал, смотрел телевизор, жил обычной жизнью. Клэр проводила их взглядом.

На светофоре они повернули на север. Потом ещё раз. Потом выехали на шоссе.

Она смотрела в зеркало заднего вида, пока дом — их дом, с верандой, яблоней и жёлтой детской комнатой — не исчез за поворотом. Фары «Форда» скрылись за деревьями, и улица снова погрузилась в тишину.

На улице стало тихо. Ни машин, ни голосов, ни лая собак. Только ветер шелестел листьями на яблоне, которую Клэр посадила пять лет назад. Только где-то далеко, на другой стороне города, сигналила скорая. Но здесь, на Линкольн-стрит, было тихо.

А потом запахло озоном. Сначала едва уловимо — как после грозы, когда воздух становится чистым и металлическим. Потом сильнее, плотнее, так что хотелось кашлять. Запах заполнил улицу, просочился под двери, залез в щели закрытых окон.

Дверь дома номер семнадцать была дубовой, тяжёлой, с латунным молотком в виде львиной головы. Клэр выбрала её в строительном магазине, потому что «эта похожа на дверь из английского замка». Джек тогда посмеялся, но повесил.

Теперь по этой двери стекали две тени.

У них не было тел, только очертания — высокие, неестественно вытянутые, с руками, которые заканчивались не пальцами, а чем-то продолговатым, похожим на щупальца. Они стояли на пороге, не касаясь земли, и смотрели. Смотрели сквозь дерево, сквозь замки, сквозь стены, в пустоту.

Тени замерли на секунду — будто прислушиваясь. По-

том начали сползать вниз, как грязь по стеклу. Медленно, неохотно, растворяясь в воздухе, оставляя после себя только запах озона и странное ощущение, что за тобой кто-то наблюдает.

Через минуту улица снова стала обычной. Дом номер семнадцать стоял тёмным и молчаливым. Яблоня роняла листья. Ветер стих.

Глава 5

Джек Харрис не мечтал стать учёным. Он просто хотел работу, на которой неплохо платят и не требуется разговаривать с людьми.

В колледже он учился кое-как — физика, математика, что-то про материалы. Ничего блестящего, но диплом он получил. После этого два года рассылал резюме, пока не позвонили из «Синерджи Лабс» — маленькой конторы в промышленной зоне Лексингтона, где пахло пластиком и растворителями.

Джек никогда не любил промышленные зоны.

Они пахли неудачей. Ржавые ангары, бетонные заборы с колючей проволокой, вывески, которые никто не менял со времён восьмидесятых. В Лексингтоне такая зона располагалась на северо-восточной окраине, между железнодорожными путями и сточными канавами. Сюда редко заезжали случайные люди. Сюда приезжали только те, кому некуда

больше деваться.

«Синерджи Лабс» располагалась в конце тупика, за двумя рядами колючей проволоки и шлагбаумом, который, впрочем, был постоянно поднят. Здание оказалось одноэтажным, вытянутым, из серого бетона, с узкими окнами под самым потолком — такие делают на складах, чтобы не воровали, и чтобы солнечный свет не мешал работать. Кое-где штукатурка облупилась, открывая кирпич цвета запёкшейся крови.

Джек остановил свой «Форд» на пустой парковке, где асфальт был в трещинах, сквозь которые росла трава. Посидел минуту, глядя на здание.

— Ничего, — сказал он вслух. — Работа есть работа.

Внутри оказалось чище, чем снаружи.

Длинный коридор, выкрашенный в бледно-зелёный — тот самый казённый цвет, которым красят школы и полицейские участки. Полы линолеумные, потёртые, но мытые. Пах-

ло дезинфекцией, старым деревом и чем-то сладковатым — может, растворителем, может, просто пылью.

Джек подошёл к стойке ресепшена. За ней сидела женщина на лет пятидесяти, с короткой стрижкой и очками в толстой оправе. Она не подняла головы, когда он вошёл.

— Джек Харрис, — сказал он. — У меня собеседование.

— Третий коридор направо, комната двенадцать, — ответила женщина, не отрываясь от бумаг. Джек хотел спросить, куда идти дальше, но передумал.

Комната двенадцать оказалась маленьким кабинетом с одним окном, выходящим в стену соседнего здания. За столом сидел мужчина в белом халате поверх рубашки с коротким рукавом. На вид — около сорока, лысеющий, с оспинами на щеках и вечной усталостью в глазах.

— Мистер Харрис, — сказал он, вставая и протягивая руку. — Доктор Филип. Присаживайтесь.

Джек сел на скрипучий стул. Огляделся. На стенах — дипломы в рамках, фотографии групп сотрудников, какие-то графики на миллиметровке. Ничего лишнего. Ничего личного.

— Расскажите о себе, — сказал Филипс.

Джек рассказал. Коротко, без подробностей. Учился, не закончил аспирантуру, работал в сервисном центре, потом в лаборатории при университете — мыл пробирки, помогал с отчётами. Ничего впечатляющего.

Филипс кивал, не перебивая. Когда Джек закончил, он помолчал несколько секунд, разглядывая его поверх очков.

— Знаете, чем мы занимаемся? — спросил он.

— Анализом частиц в магнитном поле, — процитировал Джек объявление.

Филипс усмехнулся. Криво, безрадостно.

— Примерно, — сказал он. — Но не совсем. Мы занимаемся скучной, рутинной работой, на которую не хватает грантов большим лабораториям. Спектроскопия, хроматография, анализ образцов. Никаких открытий, никаких нобелевских премий. Вы готовы к этому?

— Готов, — ответил Джек.

Филипс посмотрел на него долгим взглядом — таким, будто проверял, не шутит ли он. Потом кивнул.

— Тогда пройдёмте, я покажу ваше рабочее место.

Лаборатория оказалась больше, чем Джек предполагал.

Он шёл за Филипсом по длинному коридору, мимо закры-

тых дверей с табличками «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», «БИООПАСНОСТЬ», «НЕ ВХОДИТЬ». За одной из дверей кто-то громко разговаривал по телефону. Из-под другой тянуло холодом, как из морозилки.

— Это у нас склад, — пояснил Филипс, заметив его взгляд. — Реактивы храним при низкой температуре.

Они свернули в боковое крыло, и Джек оказался в большом помещении, заставленном столами и стеллажами.

Здесь пахло химией — остро, так что сразу запершило в горле. На столах теснились приборы: спектрофотометры, центрифуги, какие-то блоки с проводами и мигающими лампочками. В углу гудел огромный холодильник, весь облепленный магнитами и стикерами. Над раковиной висела аптечка с выцветшим красным крестом.

— Ваше место, — Филипс указал на узкий стол в конце комнаты, у самого окна. — Компьютер староват, но для отчётов хватит. Мыло, губки, дистиллированная вода — в шкафу под раковиной.

Джек подошёл к столу. Компьютер оказался моноблоком неизвестной марки, с пожелтевшей клавиатурой. На экране светилась заставка — синий фон и логотип «Синерджи Лабс», два переплетённых кольца.

— Если что-то нужно, спрашивайте у Маркуса, — Филипс кивнул в сторону другого конца комнаты, где за соседним столом сидел мужчина в очках. — Маркус у нас старший лаборант. Он введёт вас в курс.

Маркус даже не поднял головы. Только буркнул что-то вроде «привет» и продолжил что-то печатать.

— Не обращайтесь внимания, — сказал Филипс. — Он не разговорчивый, но толковый.

Он хлопнул Джека по плечу и вышел, оставив его одного.

Первые часы Джек просто сидел, не зная, чем заняться.

Маркус молчал. В лаборатории было тихо — только гудели приборы да иногда хлопала дверь в дальнем конце коридора. Джек рассматривал оборудование. Большая часть была ему незнакома. Рядом с центрифугой стоял прибор с несколькими стеклянными колбами и трубками, по которым переливалась мутная жидкость. Над ним висел плакат с надписью: «МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ» и перечнем кислот, которые нельзя смешивать.

Он заметил, что в дальнем углу комнаты есть ещё одна дверь — металлическая, с кодовым замком и табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОТРУДНИКОВ». Джек смотрел на неё несколько минут, пока Маркус не кашлянул.

— Туда лучше не совать нос, — сказал он, не поворачиваясь.

— А что там?

— Оборудование. Дорогое. Не для младших лаборантов.

Джек кивнул, хотя внутри шевельнулось любопытство.

Около полудня Маркус наконец дал ему задание.

— Вот образцы, — сказал он, ставя на стол поднос с пробирками. — Пронумерованы. Отнести в спектрометр, записать показания. Потом вымыть и поставить на место.

Пробирок было около сорока. В каждой — мутная жидкость желтоватого цвета, похожая на разбавленный бульон. Джек взял поднос, пошёл к спектрометру — здоровенному ящику с круглым окошком, внутри которого тускло светила лампа.

Он работал медленно, стараясь не перепутать порядок. Доставал пробирку, вставлял в держатель, нажимал кнопку. Прибор издавал короткий писк и выдавал на дисплей набор цифр — длина волны, интенсивность, поглощение. Джек записывал всё в блокнот аккуратным почерком.

Через час он закончил. Отнёс блокнот Маркусу.

— Молодец, — сказал тот, мельком глянув на цифры. — Теперь вымой пробирки и можешь идти на обед.

Джек мыл пробирки в большой раковине из нержавеющей стали, смотря в окно. За окном была стена соседнего здания — серая, без окон, с ржавыми трубами. Небо над ней казалось узкой полоской, как щель в потолке тюремной камеры.

«Ничего, — подумал он снова. — Работа есть работа».

После обеда работа пошла быстрее. Джек привык к ритму: пробирки — спектрометр — цифры — отчёт. Мытьё — сортировка — раскладка по ящикам. Монотонно, скучно, но почти медитативно. Он почти перестал замечать запах химии и тусклый свет ламп дневного света.

К концу дня глаза у него слипались, а спина болела от дол-

того сидения.

— Можешь идти, — сказал Маркус, даже не глядя на часы. — Завтра к девяти.

Джек кивнул, собрал вещи, вышел в коридор. По пути к выходу он снова прошёл мимо железной двери с кодовым замком. На секунду ему показалось, что за ней кто-то есть — тихий, почти неслышимый звук, похожий на дыхание. Он ускорил шаг.

На парковке солнце уже садилось, и длинные тени от здания падали на асфальт. Джек сел в машину, завёл двигатель и выехал за шлагбаум.

Только на светофоре он заметил, что его пальцы всё ещё сжаты в кулаки.

— Ничего, — сказал он в пустой салон. — Работа есть работа.

Но впервые за этот день он не поверил своим словам.

Всё изменилось после трёх месяцев работы.

Джек помнил тот день до мелочей: пасмурный, с мелким дождём, который зарядил с утра и не прекращался до вечера. Он пришёл на работу как обычно, поставил кружку с кофе на стол, включил компьютер.

Через час в лабораторию вошёл Филипс с вечным пятном от кофе на галстукe.

— Всем внимание, — сказал он. Голос его дрожал. —
Произошло важное событие.

Он рассказал про открытие. Джек не понял и половины слов. Квантовая запутанность на макроуровне. Фиксация временной петли. Доказательство того, что прошлое можно не только наблюдать.

— Это, как если бы мы нашли камеру, которая записывает всё, что когда-либо случилось, — сказал Филипс. — Но это не камера. Это пространство.

Он замолчал, давая сотрудникам время осознать. Джек осознал только одно: его маленькая скучная работа только что перестала быть маленькой и скучной.

Через неделю появился спонсор. Никто не знал, кто это. Филипс сказал: «частный инвестор, заинтересованный в прогрессе». Денег дали столько, что у бухгалтера случился нервный срыв. В лабораторию завезли новое оборудование — ящики, ящики, ещё ящики. Квантовые компьютеры в чёрных корпусах, охлаждаемые до температур, близких к абсолютному нулю. Голографические дисплеи, через которые можно было двигать трёхмерные модели руками. Какой-то цилиндр из материала, похожего на жидкий металл, внутри которого мерцал свет.

— Это темпоральный резонатор, — пояснил техник в синем комбинезоне.

— А что он делает? — спросил Джек.

Техник посмотрел на него, как на ребёнка, который спросил, почему трава зелёная.

— То, для чего его спроектировали, — ответил он и ушёл.

Через три дня пришёл человек в чёрном костюме с папкой бумаг.

— Подпишите, — сказал он каждому сотруднику.

Документ о неразглашении. Двадцать страниц мелким шрифтом, пункт о пожизненном заключении за утечку информации. Джек подписал, не читая.

Охрана появилась на следующее утро.

Джек тогда только зашёл в коридор, потянулся к шкафчику за халатом — и замер. У входа в лабораторию стояли двое. Высокие, под два метра, с плечами, которые едва влезали в форменные куртки чёрного цвета. Ни нашивок, ни имён, ни знаков различия — только глухая чернота и кобуры на поясе.

Они не смотрели на Джека. Они смотрели сквозь него, в какую-то точку на противоположной стене. Но когда он сделал шаг к двери, один из них чуть повернул голову — так, что стало ясно: они видят всё, даже то, на что не смотрят.

— Пропуск, — сказал тот, что слева. Голос низкий, без интонаций, как у синтезатора речи.

— Какой пропуск? — переспросил Джек.

Второй охранник молча протянул ему пластиковую карточку на бейдже. Белая, с логотипом «Синерджи Лабс», фотографией Джека (когда они её сделали? Он не помнил, чтобы фотографировался) и чёрной полосой на обратной стороне.

— Носите на виду, — сказал первый. — Не снимайте.

Джек повесил бейдж на шею.

— А что будет, если сниму?

Охранники не ответили. Они уже смотрели в свою невидимую точку.

К вечеру электронные замки стояли на каждой двери.

Не только на входе в лабораторию, но и на туалетах, на столовой, на подсобках, даже на шкафчиках в раздевалке. Маленькие серебристые панели с мигающими красными глазками. Чтобы открыть дверь, нужно было приложить бейдж — раздавался короткий писк, глазок загорался зелёным, и замок щёлкал.

Джек попробовал открыть дверь в туалет без бейджа. Руч-

ка не поддалась. Он приложил карточку — зелёный свет, щелчок.

— Теперь и по-маленькому с пропуском, — пробормотал он.

Рядом кто-то хмыкнул. Тони, парень из столовой, проти-
рал очки подолом рубашки.

— Ты ещё главное не видел, — сказал он. — Уровни до-
ступа.

— Какие уровни?

Тони кивнул на бейдж Джека:

— Видишь полоску? Чёрная — первый уровень. Только общие помещения. Лаборатория, столовая, туалет. В храни-
лище и в архив тебя не пустит. А у Маркуса, например, по-
лоска синяя. У Филипса — красная.

— А у охранников?

Тони оглянулся. В коридоре никого не было, только гулко гудели лампы дневного света.

— У них своя, — сказал он тихо. — Чёрная, как у тебя, но с блеском. Я такую только раз видел. Он ею дверь открыл, куда даже Филипс не заходит.

— Откуда ты знаешь?

— Стоял рядом. Думал, за мной пришли. А они его пропускали, как своего.

Тони замолчал. Джек хотел спросить ещё, но в конце коридора послышались шаги — тяжёлые, размеренные. Охранник. Тони быстро натянул очки и ушёл в столовую, не попрощавшись.

Камеры появились через два дня.

Сначала Джек не замечал их — маленькие чёрные полусферы под потолком, похожие на мух, которые уселись отдохнуть. Но потом он понял, что они везде. В коридорах, в лаборатории, даже в комнате отдыха — одна камера смотрела прямо на автомат с кофе, как будто боялась, что кто-то украдёт растворимый «Максвелл».

В уборной камер не было — Джек специально проверил, задрав голову к потолку.

— Теперь за нами следят, — сказал он Маркусу за обедом.

Маркус жевал сэндвич и смотрел в стол.

— За нами всегда следили, — ответил он.

— Раньше не было камер.

— Раньше не было того, что мы делаем сейчас.

— А что мы делаем сейчас?

Маркус поднял голову. В его глазах Джек увидел что-то, чего не замечал раньше — не усталость, нет. Страх. Тихую, хорошо спрятанную панику человека, который уже всё понял, но не может ничего изменить.

— Работаем, — сказал Маркус. — И не задаём лишних вопросов.

Он встал, выбросил остатки сэндвича в мусорное ведро и вышел, даже не допив кофе.

Джек остался один.

Он сидел за столиком в комнате отдыха, пил остывший

кофе и смотрел на камеру под потолком. Красный глазок мигал мерно, как сердцебиение.

«Они видят всё», — подумал Джек.

Где-то через месяц его обязанности изменились. Вместо мытья пробирок он теперь часами сидел за компьютером, обрабатывая данные. Только данные были странными. Не числа и графики, а нечто иное — временные ряды, которые вели себя так, будто время шло то вперёд, то назад. Спектрограммы, похожие на отпечатки пальцев неизвестной расы.

— Что мы ищем? — спросил он у Маркуса.

— Не твоего ума дело, — ответил Маркус, не поворачиваясь.

Джек хотел обидеться, но понял, что Маркус прав. Он был младшим. Он не должен знать. Но он хотел знать.

Однажды он задержался допоздна.

Началось с того, что он забыл флешку — старую, потрёпанную, на которой были личные файлы и несколько рабочих копий. Он вернулся в лабораторию около одиннадцати вечера. Охрана пропустила, не задав вопросов.

Лаборатория была пуста. Свет горел только на его рабочем месте — остальные мониторы чернели, приборы молчали, темпоральный резонатор тускло мерцал в своей капсуле, как глаз спящего зверя.

Джек сел за стол, нашёл флешку — она лежала там же, где он её оставил, под клавиатурой. Мог бы сразу уйти. Но взгляд упал на монитор Маркуса — тот забыл выключить компьютер. На экране светилась папка: «Субъекты». Ни номера, ни даты, ни пометки «секретно».

Джек оглянулся. В коридоре было тихо. Он сел за стол Маркуса, шевельнул мышью. Папка открылась без пароля.

Сердце заколотилось где-то в горле. Он начал читать.

Файлов было много. С фотографиями.

«...Эксперимент 47-В. Испытуемая — девочка, возраст 4 месяца. Обладает аномальной чувствительностью к хроно-полю. Рекомендуются продолжить наблюдение в режиме усиленного контроля».

«...Эксперимент 48-В. Наблюдается устойчивая связь испытуемой с внепространственным источником сигнала. Источник определён как "коллективное бессознательное" или "Пустота". Требуется изоляция от внешних стимулов».

«...Эксперимент 49-В. Испытуемая демонстрирует способность привлекать Хронофагов. Это первый задокументированный случай. Опасность для персонала оценивается как критическая. Рекомендовано: продолжить наблюдение дистанционно».

Джек остановился.

— Этого не может быть, — прошептал он, и голос его сорвался.

Глава 6

Клэр проснулась первой.

Это было странно — обычно её будил или крик Элли, или гул мотора, или собственное сердце, которое колотилось где-то в горле после очередного кошмара. Но сейчас было тихо. Так тихо, что она слышала, как в соседнем номере скрипнула кровать — кто-то повернулся на другой бок. Она открыла глаза.

Потолок был низким, с желтоватым пятном от протечки. Занавески на окне — дешёвые, цвета выцветшей охры — пропускали сероватый свет, ещё не утренний, но уже и не ночной. Небо только начинало светлеть, как старая фотография, которую достают из альбома.

Клэр повернула голову. Элли спала, свернувшись калачиком. Одеяло сползло, открывая пижаму с единорогами. Девочка дышала ровно, глубоко, без всхлипов и криков. Её лицо во сне было спокойным, почти безмятежным — таким,

каким бывает у обычных детей, у которых нет ни чёрных глаз, ни ночных кошмаров.

Джек ворочался. Он лежал на спине, подложив руку под голову, и его веки подрагивали — ему снилось что-то тревожное. За последние годы Клэр научилась различать его сны по дыханию. Ровное, глубокое — всё нормально. Прерывистое, со всхлипами — кошмар. Сейчас оно было неровным, но без паники. Что-то среднее.

Она осторожно села, стараясь не скрипеть пружинами. Босые ноги коснулись линолеума — холодного, липкого, будто его мыли неделю назад и забыли вытереть. Клэр поёжилась, нашарила тапки — дешёвые, из синтетики, которые она купила в «Волмарте» за три доллара. За окном светало.

Она подошла к окну, раздвинула занавеску ровно настолько, чтобы выглянуть.

Парковка была пуста. Только их «Форд» стоял у тротуара, покрытый каплями ночной росы, да пара грузовиков в дальнем углу. Асфальт блестел, как чёрная река после до-

ждя. Небо на востоке розовело, но тучи ещё висели низко, тяжёлые, обещающие новый дождь.

Клэр посмотрела на дорогу. Пустая. Ни огней, ни теней, ни тех силуэтов, которые ей иногда мерещились. Только ветер гонял прошлогодние листья по гравию.

«Может, сегодня нас не найдут», — подумала она. Она почти поверила в это.

Клэр оглянулась на спящих — Джек всё ещё ворочался, Элли даже не пошевелилась — и решила выйти.

Она надела куртку — старую, джинсовую, с потёртыми локтями — и сунула ноги в кроссовки. Шнурки завязала на два узла, как учил отец: если бежать, не развяжутся.

Дверь открылась бесшумно — кто-то смазал петли, возможно, тот самый портё, который брал с них наличные и не задавал вопросов. Клэр выскользнула наружу и тихо прикрыла дверь за собой.

Воздух ударил в лицо — свежий, холодный, с запахом мокрой травы и бензина. Пахло ещё чем-то — дымом, наверное, кто-то топил печь в соседнем доме, или, может, просто ночной ветер принёс запах из леса. Клэр вдохнула глубоко, так, что заломило в груди. После душного номера этот воздух казался живой водой.

Она прошла вдоль мотеля, считая двери. Номер 101, 102, 103 — все с закрытыми шторами, за которыми спали люди. У которых были обычные проблемы — счета, ссоры, недопонимание. Клэр вдруг остро, до боли, позавидовала им.

Кофейный автомат стоял у входа в контору — ржавая железяка с мигающей лампочкой и надписью «FRESH BREW». Клэр порылась в кармане куртки, нашла несколько монет — мелочь, оставшаяся с прошлой заправки — и опустила в щель.

Автомат загудел, закашлялся, выплюнул два пластиковых стаканчика с мутной коричневой жидкостью. Кофе пах химией и жжёным сахаром. Но он был горячим.

Клэр взяла стаканчики — по одному в каждую руку — и пошла обратно.

У двери их номера стоял пластиковый столик, привинченный к полу. Рядом — два таких же пластиковых стула, грязных, с трещинами на сиденьях. Клэр поставила кофе на стол и села, вытянув ноги.

Из-за горизонта показался краешек солнца — тусклый, красноватый, похожий на больной глаз. Небо над ним загорелось оранжевым, потом жёлтым, потом снова посерело, когда набежала туча.

Клэр смотрела на парковку, на их «Форд», на дорогу, уходящую в никуда. Она думала о том, сколько ещё таких дней у них впереди. Сколько кофе из автоматов, сколько мотелей, сколько раз она будет просыпаться в номере, которого нет на карте, и смотреть на спящую дочь, проверяя, дышит ли она. Дверь за её спиной тихо открылась.

Клэр не обернулась — она узнала шаги. Джек вышел на крыльцо, щурясь от ещё неяркого света. На нём были джинсы и футболка, волосы взлохмачены, глаза красные — не то не выспался, не то плакал во сне. Он подошёл, наклонился, поцеловал её в щёку — сухими губами, быстро, как делал всегда по утрам.

— Спасибо, — сказал он, беря второй стаканчик. — Ты вовремя.

— Кофе всё равно паршивый, — ответила Клэр.

— Лучший в моей жизни.

Он сел рядом, и они замолчали.

Где-то вдалеке просигналила машина — один короткий гудок, словно кто-то кого-то звал. Потом снова тишина. Ветер стих, листья улеглись на гравии, и только облака плыли по небу, медленно, как стадо медуз.

Клэр заговорила первой, потому что молчать было тяжелее.

— Что будем делать дальше?

Клэр смотрела на стаканчик в своих руках, на коричневые разводы внутри, на пар, который уже почти не шёл. Кофе остыл, но она всё равно сделала глоток — горький, с кислоткой.

Джек помолчал. Потом тоже отпил — не торопясь, будто пробовал что-то новое.

— Можно пока остаться здесь, — сказал он. Голос его звучал устало. — Думаю, пара дней у нас есть. Мы отдохнём, и Элли придёт в себя.

Он произнёс «придёт в себя» так, будто речь шла о простуде или ушибе. Будто чёрные глаза и ночные крики — это просто грипп, который пройдёт, если вовремя принять таб-

летку.

Клэр не стала спорить.

— А что потом? — спросила она. — Опять бежать?

Джек поставил стаканчик на стол. Провёл ладонью по лицу — снизу-вверх, разминая щёки, словно хотел согнать усталость.

— Это единственное, что мы можем сделать, — ответил он. — Пока.

Он сказал «пока» так, будто это слово что-то значило. Будто существовал план, существовало «потом» и «когда-нибудь», когда бежать будет не нужно. Клэр хотела спросить — что это за «пока»? Когда оно наступит? Через месяц? Через год? Когда Элли научится контролировать свои сны? Когда они найдут того, кто может им помочь?

Она посмотрела на мужа. На его осунувшееся лицо, на седину у висков, на руки, которые держали стаканчик так, будто он боялся его уронить. Она ничего не сказала.

Внутри неё что-то щёлкнуло — не то обида, не то усталость, не то горькое понимание. Спорить было бесполезно. Джек говорил правду — единственную правду, которой они оба могли придерживаться. Бежать. Только бежать. Остальное — иллюзия, которую они не могли себе позволить.

Из номера донёсся звук. Лёгкое кряхтение, шорох простыней. Элли зашевелилась. Она просыпалась.

Клэр встала. Стул скрипнул по гравию — противно, как железо по стеклу. Она оставила на столе недопитый стаканчик — тонкая струйка кофе вытекла на пластик и потекла к краю.

— Я проверю её, — сказала Клэр.

Джек кивнул. Он не смотрел на неё. Он смотрел на дорогу

— туда, где шоссе исчезало в утренней дымке, и думал о чём-то своём. Клэр открыла дверь и вошла в номер. Джек допил кофе один.

Глава 7

Клэр Беннет выросла в доме, где не было принято разговаривать по душам.

Отец — молчаливый механик с вечно чёрными от масла руками — уходил на работу в шесть утра и возвращался в восемь вечера, падал в кресло и включал телевизор. Мать — женщина с обветренным лицом — работала в прачечной, а по вечерам курила на крыльце, глядя на звёзды. Они не ссорились. Они просто не разговаривали.

Клэр научилась жить в этой тишине. Она не была одинокой — у неё были подруги, школа, книжки, которые она глотала по три штуки в неделю. Но внутри, где-то в самых потаённых уголках души, всегда зияла пустота.

После школы она поступила в колледж, где изучала литературу, психологию, историю. Не потому, что хотела стать профессором. Просто не знала, куда ещё податься. Она работала официанткой в кафе при заправке — круглосуточном,

грязном, где пахло беконом и жжёным кофе. Там она научилась улыбаться тем, кто не заслуживал улыбки. И не пускать в голову мысли о том, что эта жизнь — всё, что её ждёт.

Джек Харрис зашёл в кафе в два часа ночи.

Шёл дождь — не ливень, а та морось, которая пробирает до костей. Клэр мыла стойку, когда звякнул колокольчик над дверью. Она подняла голову и увидела парня — высокого, худого, в мятой рубашке, с рюкзаком за спиной.

Он сел у окна, заказал кофе и яблочный пирог.

— С тобой всё в порядке? — спросила Клэр, когда принесла заказ.

— Да, — ответил он. — Просто еду в другой город. Долгая дорога.

У него был голос человека, который не привык врать.

Слишком ровный, слишком спокойный. Клэр почему-то не поверила, но спорить не стала.

Она вернулась за стойку и украдкой наблюдала за ним. Он не смотрел в телефон. Не читал. Просто сидел, смотрел в окно на мокрую парковку и пил кофе. Пирог так и остался лежать нетронутым.

— Пирог невкусный? — спросила Клэр, когда он подошёл расплачиваться.

— Вкусный. — Он улыбнулся — устало, но тепло. — Просто не голоден.

Он оставил чаевые — больше, чем стоил заказ — и вышел под дождь. Клэр смотрела, как его фигура растворяется в темноте, и чувствовала что-то странное. Как будто этот парень забрал с собой кусочек её души. Она думала о нём три дня.

Он вернулся через неделю.

Снова ночь, снова дождь, снова яблочный пирог, который он не съел. На этот раз Клэр не выдержала.

— Почему ты не ешь пирог?

— Потому что я прихожу не ради пирога, — ответил он.

Она не спросила — ради чего. Потому что уже знала.

После смены они сидели в его машине — старом «Форде», который тарахтел как швейная машинка. Разговаривали. О книгах, о фильмах, о том, каково это — работать на заправке в два часа ночи. Джек рассказал, что недавно переехал в Лексингтон, что ищет работу, что у него нет ни друзей, ни семьи.

— Почему ты сюда приехал? — спросила Клэр.

— Не знаю, — ответил он.

Она не поняла, что он имел в виду. Но в тот момент это было не важно.

Они начали встречаться.

Встречались — громко сказано. Они просто были рядом. Джек ходил на собеседования, Клэр работала в кафе. По вечерам они сидели в его машине или у неё в комнате — маленькой, тесной, с обоями в цветочек. Слушали музыку. Иногда молчали. Молчать с ним было легко — не так, как с родителями, а по-другому. Как будто тишина дышала.

Первый поцелуй случился в парке, под старым дубом. Шёл снег — первый в том году. Джек держал её руки в своих — больших, тёплых, чуть шершавых. Наклонился и поцеловал.

Клэр закрыла глаза и почувствовала, как пустота внутри неё сжалась — не исчезла, но стала меньше.

— Я тебя люблю, — сказал он. Она не ответила. Просто улыбнулась.

Но дома, лёжа в кровати, она прошептала эти слова в подушку. Тихо, чтобы никто не услышал. И заплакала — от счастья, которого никогда не знала.

Они сняли маленькую квартирку на окраине — одну комнату, кухню, душ, который вечно засорялся. Клэр развесила шторы, купила дешёвые тарелки в комиссионке, посадила герань на подоконнике. Джек приносил книги. Клэр смеялась и читала.

Они любили друг друга так, как любят люди, которые нашли друг друга случайно и боятся потерять. Не кричали об этом на каждом углу. Просто держались за руки, когда смотрели телевизор. Просто он гладил её по голове, когда она засыпала у него на плече. Просто она варила ему кофе по утрам — чёрный, без сахара.

Иногда по ночам, когда Джек уже спал, Клэр лежала с открытыми глазами и слушала его дыхание. Она думала о том, как странно устроен мир — она могла проработать всю жизнь на заправке, так и не узнав, что значит быть любимой. Но судьба подсунула ей этого парня. С рюкзаком. В мягкой рубашке. Она не верила в судьбу. Но ради него была готова пересмотреть свои взгляды.

Он сделал предложение через год.

Они сидели на кухне, ели макароны с сыром — их коронное блюдо, когда денег в обрез. Джек вдруг встал, полез в карман джинсов и выложил на стол маленькую коробочку.

— Я знаю, что у меня нет денег, — сказал он. — И нормальной работы. И квартиры с горячей водой. Но ты мне нужна.

В коробочке было кольцо — тонкое, серебряное, с крошечным камушком, даже не бриллиантом. Клэр потом узнала, что он копил на него три месяца, отказав себе в обедах.

— Я не умею говорить красиво, — добавил он. — Поэтому просто спрошу. Выходи за меня.

Клэр смотрела на него — на его серьёзное лицо, на морщинки у глаз, на руки, которые дрожали. Она взяла кольцо, надела на палец.

— Да, — сказала она. — Конечно, да.

Она не плакала. Плакал он.

Свадьба была маленькой — человек десять, включая свидетельницу со стороны Клэр. Клэр не хотела пышного платья — купила простое, белое, по колено. Джек надел костюм, который взял напрокат — великоват в плечах, но он не жаловался.

Расписывались в муниципалитете. Потом пошли в кафе — то самое, где они познакомились. Хозяин удивился, но стол накрыл. Кто-то принёс шампанское. Кто-то заказал пиц-

цу.

— Ты счастлива? — спросил Джек, когда все танцевали под музыку из автомата.

— Безумно, — ответила Клэр. Она не врала.

В тот вечер, когда они вернулись домой, в свою маленькую квартиру, Клэр сняла туфли и сказала:

— Знаешь, я бы пошла за тобой хоть на край света.

Джек посмотрел на неё долгим взглядом. Она не поняла тогда, почему в его глазах мелькнула грусть.

— Надеюсь, до этого не дойдёт, — сказал он.

Она засмеялась и не придавала значения его словам.

Они прожили в маленькой квартире ещё полгода. А потом Джек сказал: «Давай купим дом».

Клэр подумала, что он шутит. У них не было денег на дом — едва хватало на макароны с сыром. Но Джек принёс какую-то бумагу, показал цифры.

— Мне подняли зарплату, — объяснил он. — Не сильно, но хватит на первый взнос. А остальное — в кредит.

Клэр смотрела на него и не верила. Он никогда не врал ей — по крайней мере, она так думала. И она кивнула.

Дом нашёлся быстро — на тихой улице в пригороде Лексингтона. Маленький, одноэтажный, с верандой. Клэр влюбилась в него с первого взгляда, хотя стены требовали покраски, а крыша кое-где протекала.

— Мы это починим, — сказал Джек.

— Знаю, — ответила Клэр.

Они въехали в субботу. Перевезли в стареньком «Форде» свои пожитки — два чемодана, коробку с книгами, старый торшер, который Клэр выиграла в лотерею на заправке. Первую ночь спали на матрасе, брошенном прямо на пол. За окном шумели деревья, и Клэр думала: «Вот оно счастье. Наше. Навсегда».

Она занялась домом как одержимая.

Клэр всегда умела делать любое место уютным — этому её научили годы скитаний по чужим углам, где не было ничего своего. Она перекрасила кухню в бледно-жёлтый, повесила новые шторы — ситцевые, с ромашками. В гостиной поставила диван, который купила за бесценок у соседки.

Джек приходил с работы — поздно, уставший, пропахший озонем и чем-то металлическим. Она встречала его у порога, целовала в щеку, вела к столу. Ужин всегда был готов — горячий, простой, но с душой. Иногда они сидели на веран-

де, пили чай и смотрели на звёзды. Джек почти не говорил о работе — Клэр не спрашивала. Она думала, что это скучно, рутина, которую мужчина оставляет за дверью.

Так, буднично, даже монотонно текла жизнь Клэр. До того момента, как в их доме появилась Элли.

С той минуты всё пошло по-другому.

Глава 8

Филипс любил утро в лаборатории.

Не потому, что здесь было красиво — утром «Синерджи Лабс» выглядела так же уныло, как и днём, и вечером. Те же бледно-зелёные стены, тот же линолеум, протёртый до дыр, тот же запах дезинфекции и остывшего кофе. Но утром здесь никого не было. Только охранники у дверей, которые стояли как статуи, и тишина — такая густая, что можно было резать ножом.

Филипс сидел в своём кабинете — тесной комнатёнке с одним окном, выходящим в стену соседнего здания — и просматривал отчёты. Экран компьютера светился бледно-голубым, цифры бежали по строкам, графики изгибались, как спины спящих зверей. Он был доволен. Очень доволен.

Эксперимент 49-В давал результаты, о которых он не смел мечтать. Девочка — объект, который они ласково называли «Локатором», — проявляла аномальную чувствительность к

хроно-полю. Её показатели росли каждый день. Временные петли вокруг её кровати фиксировались с такой частотой, что оборудование начинало дымиться.

Филипс откинулся на спинку стула, потёр глаза. За последние три месяца он спал урывками — может, четыре часа в сутки, может, меньше. Но это того стоило. Спонсор будет доволен. А если спонсор доволен, лаборатория получает деньги. А если есть деньги, Филипс может спать спокойно. Он взял кружку с остывшим кофе, сделал глоток — горький, с кислинкой, — и вернулся к отчёту. В дверь постучали.

Тихо. Неуверенно. Как будто тот, кто стоял за дверью, боялся войти. Даже не постучал — поскрёбся. Филипс нахмурился.

— Войдите, — сказал он, не повышая голоса.

Дверь открылась. На пороге стоял Маркус — старший лаборант, тот самый, который всегда сидел в углу и не разговаривал. Сейчас его лицо было бледнее обычного, а очки сползли на кончик носа. Он мял в руках какую-то бумажку,

хотя Филипс видел, что на ней ничего не написано.

— Сэр... — начал Маркус и замолчал.

— Что? — Филипс не любил, когда ему мешали. Особенно утром.

— Тут такое дело...

— Говори уже.

Маркус переступил с ноги на ногу. Охранники за его спиной замерли — Филипс видел их силуэты сквозь матовое стекло. Казалось, они тоже ждали.

— Объект 49-В, — выдохнул Маркус. — Сэр... он пропал.

Филипс не сразу понял, что сказал его помощник.

Он продолжал смотреть на Маркуса, и в голове у него крутилась какая-то рабочая мысль — про отчёт, про графики, про то, что нужно будет перепроверить данные за вчерашний вечер. Слово «пропал» не вписывалось в этот ряд.

— Что значит «пропал»? — переспросил он.

Маркус сглотнул. Адамово яблоко на его тощей шее дёрнулось, как заводная игрушка.

— Её нет, сэр. Кроватка пуста. Датчики отключены. Охрана говорит, что ничего не видела.

Филипс медленно поставил кружку на стол. Кофе плеснулся на отчёт, расплылся бурым пятном, но он этого не заметил.

— Позови сюда начальника охраны, — сказал он. Голос его стал спокойным — слишком спокойным. Таким он бывал

только в двух случаях: когда всё идёт по плану и когда плана больше не существует.

— Я уже... — начал Маркус.

— Тогда не стой, как истукан. Иди и приведи его.

Маркус выскочил из кабинета. Дверь за ним закрылась с мягким шипением пневматики. Филипс остался один.

Он смотрел на монитор, на графики, которые ещё минуту назад казались ему такими красивыми. Теперь они выглядели как насмешка. Девочка — его лучший объект, его билет в большое будущее — исчезла. Не сбежала — куда сбежишь из лаборатории, где каждая дверь на электронном замке? Не умерла — тогда бы датчики зафиксировали остановку сердца. Исчезла. Как сквозь землю провалилась.

Филипс закрыл глаза. Внутри у него всё кипело, но на лице не дрогнул ни один мускул. Он научился этому за годы работы — не показывать эмоций. Эмоции — это слабость. А

слабость в лаборатории, где за тобой следят камеры и охранники с пустыми глазами, смерти подобна. Он открыл глаза, взял телефон, набрал номер.

— У нас проблема, — сказал он в трубку. — Уровень красный.

На том конце молчали. Потом трубку положили.

Филипс встал, одёрнул халат и вышел в коридор. Охранники у двери не шелохнулись.

Через час лаборатория гудела, как потревоженный улей. Обыскивали каждый уголок, перетряхивали шкафы, проверяли системы доступа. Но Филипс уже знал, что они ничего не найдут. Девочка исчезла. И тот, кто её унёс, знал, что делает.

Филипс стоял в детском крыле, у пустой кровати. Датчики свисали с краёв, как мёртвые змеи. Простыня была смята, но не разорвана. На подушке осталась вмятина — малень-

кая, размером с кулак.

Он провёл пальцем по вмятине. Простыня была холодной.

— Как это случилось? — спросил он у начальника охраны — здоровенного мужчины с квадратной челюстью и бегающими глазами.

— Не знаем, сэр. Камеры не зафиксировали движения. Датчики дверей не сработали.

— Не сработали или были отключены?

Начальник охраны промолчал.

Филипс повернулся к нему. Смотрел долго, не мигая.

— Найдите её, — сказал он тихо. — Найдите и приведите обратно. Живой.

— А если не получится?

Филипс улыбнулся — той улыбкой, от которой даже видавшие виды лаборанты отводили глаза.

— Получится, — сказал он. — Другого варианта нет.

Начальник охраны кивнул и вышел.

Филипс остался у пустой кровати. В детском крыле было тихо — тише, чем обычно. Филипс выпрямился, поправил халат и пошёл к себе в кабинет. Нужно было готовить отчёт для спонсора. Он не любил сообщать плохие новости.

Филипс только сел за стол, потянулся к клавиатуре, как в дверь постучали. Не так, как стучал Маркус — робко, неуверенно. Этот стук был другим. Напористым. Громким. Три удара — ровно, как метроном.

Дверь открылась раньше, чем он успел что-то сказать.

Человек в тёмном костюме вошёл в кабинет, не глядя на Филипса. Он осмотрел комнату — стены, дипломы, пятно от кофе на отчёте — и только потом остановил взгляд на хозяине кабинета.

Филипс не встал. Он хотел, но не смог. Что-то в этом человеке приковывало к стулу — не страх, нет. Тяжесть. Как будто в комнате вдруг подняли атмосферное давление.

Человек был высоким и сухопарым — таким сухим, что кости, казалось, просвечивали сквозь кожу. Средних лет, с аккуратной тёмной бородкой, подстриженной так ровно, будто её вычертили по линейке. Волосы — чёрные, без седины, зачёсаны назад. Костюм сидел на нём безупречно — тёмно-синий, в тонкую полоску, с запонками из тёмного металла. Никаких украшений, никаких деталей, кроме одной. В правой руке он держал трость.

Она была чёрной, из полированного дерева — возможно,

из чёрного дерева или эбена. Набалдашник — гладкий, отполированный до зеркального блеска — был сделан из того же материала, что и запонки. Тёмный металл, который не отражал свет, а впитывал его. Филипс посмотрел на набалдашник и на секунду забыл, где находится — ему показалось, что он смотрит в чёрную дыру.

Пальцы, сжимающие трость, были длинными и тонкими, как спички. И они были в перчатках. Тонкая чёрная кожа обтягивала каждую фалангу, каждую косточку, превращая руку в анатомический муляж. Филипс поднял глаза выше.

Лицо человека было обычным — правильные черты, спокойное выражение, никаких шрамов. Но взгляд... Филипс встречал много взглядов за свою жизнь. Начальники смотрели оценивающе. Подчинённые — испуганно. Охранники — пусто. Этот взгляд не был пустым. Он был отсутствующим. Как у куклы, у которой нет души.

— Доктор Филипс, — сказал человек. Голос — низкий, спокойный, без акцента. — У вас пропал объект.

Это был не вопрос. Филипс кивнул.

— Мы уже ищем, — сказал он. — Подняты все службы.

— Я знаю, — ответил человек. Он чуть повернул трость — набалдашник блеснул чёрным. — Но мне доложили, что вы не нашли даже следов.

Филипс открыл рот, чтобы возразить, но человек поднял руку в перчатке. Жест был мягким, почти изящным. Но Филипс замолчал.

— Я пришёл не для того, чтобы обвинять вас, — сказал человек. — Я пришёл, чтобы убедиться, что вы понимаете серьёзность ситуации.

— Понимаю, — ответил Филипс. — Объект имеет критическое значение для проекта.

— Для проекта? — Человек чуть склонил голову, и в этом

движении было что-то птичье. — Объект — это не проект, доктор. Объект — это ключ. Без ключа дверь не открыть. А если дверь не открыть, спонсор потеряет интерес.

Он замолчал. Филипс вдруг заметил, что в кабинете стало холоднее. Ненамного — на градус, на два. Но достаточно, чтобы по спине побежали мурашки.

— Вы найдёте девочку, — сказал человек. Это прозвучало не как просьба и не как приказ. Как прогноз погоды. — Вы найдёте её, потому что у вас нет выбора.

Он повернулся к двери, но на пороге остановился.

— И ещё, доктор. — Он не обернулся. — Проверьте своих сотрудников.

Дверь закрылась за ним так же тихо, как и открылась. Но Филипс слышал, как за дверью щёлкнул замок — и только потом понял, что человек вышел не в коридор. Он вышел туда, куда даже у Филипса не было доступа.

Филипс выдохнул. Ладони его вспотели, хотя в кабинете стало ещё холоднее.

Он посмотрел на монитор. Графики, отчёты, цифры — всё это вдруг показалось ему чужим, ненужным. Филипс закрыл глаза, тряхнул головой. Работа. Нужно работать.

Пальцы сами потянулись к клавиатуре. Экран засветился, запрашивая пароль. Филипс ввёл его — комбинацию цифр, которую не менял годами. Открылась база данных. Папка «Субъекты», подпапка «49-В». Он кликнул.

Внутри лежали стандартные файлы: протоколы наблюдений, графики активности, медицинские показатели. Всё это он видел сотни раз. Но в самом низу, под сегодняшней датой, висел новый документ. Филипс не помнил, чтобы кто-то его загружал. Отчёт назывался коротко: «Экстренное дополнение. Результаты ночного сканирования». Он открыл.

Сначала шли сухие цифры — температура, давление, ча-

стота пульса. Ничего необычного. Потом — графики хро-
но-активности. Они были такими же, как всегда, только бли-
же к пяти утра одна из линий резко ушла вверх. Не просто
поднялась — взлетела, как ракета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.